

The background of the entire page is a complex geometric pattern of triangles. The top half features a dark blue background with lighter blue triangles pointing downwards. The bottom half features a lighter blue background with yellow triangles pointing upwards. A horizontal yellow band with a thin black border runs across the middle, containing the title text.

**УКРАИНА В 2018 ГОДУ:
ОБРАТНАЯ СТОРОНА СОБЫТИЙ**

Нова Україна
інститут стратегічних досліджень

УКРАИНА В 2018 ГОДУ: ОБРАТНАЯ СТОРОНА СОБЫТИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

Заметки о 2018-м : обратная сторона со-бытий _____	4
Андрей Ермолаев, философ	
«Новая определённость» – завершение украинской революционной пятилетки 2013-18 гг. _____	10
Виктор Щербина, философ, д.социол.н.	
«Несоветская» или «предсоветская» _____	17
Юрий Надтока, политолог	
«Код Порошенко» и проблема национальной консолидации _____	20
Александр Левцун, социолог, к.с.н.	
«Три столпа» единства страны: толерантность, социальная сплоченность, безопасная децентрализация _____	23
Владимир Лупаций, философ, к.с.н.	
Дефицит толерантности – тест на цивилизованность и политическую культуру _____	24
Индекс социальной сплоченности – зеркало «национального единства» _____	25
Безопасная децентрализация – формула украинского регионализма _____	26
Глобальная энтропия _____	28
Святослав Денисенко, политолог	
2018 рік: кінець п'ятирічки пришвидшеної економічної стагнації в Україні _____	33
Вадим Ємець, к.е.н., експерт інституту стратегічних досліджень «Нова Україна»	
Паралелі економічного занепаду останньої п'ятирічки та попереднього періоду _____	33
Хронологія розгортання спіралі економічного згасання останньої п'ятирічки _____	34
2018 р.: коли якісне переходить у кількісне _____	36
Перспектива відновлення по завершенню п'ятирічки економічної стагнації _____	37
Наука и технологии в Украине: закат на фоне рассвета _____	38
Андрей Маклаков, научный обозреватель Института стратегических исследований «Новая Украина»	
Утрата науки – или избавление от нее? _____	39
Оазисы и подвижки _____	40
Ближайшие перспективы _____	41
Новые ответы на старые вопросы _____	42
Глобальный контекст _____	43
Демографическая неопределенность. Сколько нас? _____	45
Дмитрий Ермолаев, эксперт Института стратегических исследований «Новая Украина»	
Сферические данные или «официальная статистика» _____	45
Сколько нас в действительности _____	46

АНДРЕЙ ЕРМОЛАЕВ,
философ

1) **Украинцы.** Когда родители отмечают очередной день рождения своего ребенка, то чаще всего отмечают, как он подрос, поумнел, как раскрылись его таланты и способности. И совсем другое дело – проблемы с очередной годовщиной пожилого человека. Память, здоровье, нервы, физические возможности....

Может это и преувеличение, но меня не покидает ощущение, что украинцы не растут, а стареют.

И дело не только в плачевном состоянии образования, науки и экономических возможностей страны. Скорее другое – клерикализм и показная набожность, китч и суржик («... и дзидзизация всей страны»), поведенческий провинциализм.

Появление новой активной части украинского общества, – военных, не «омолаживает», а скорее консервирует. Война на Донбассе стала мощнейшим катализатором инициации – мужественного, патриотического, ответственного. Военный в 2018-м – это высокий социальный и психологический статус, а участник боевых действий, как когда-то «афганец», – новая социальная категория. Только пассионарность воина проявляется и заканчивается на фронте. В повседневности сотни и тысячи ветеранов войны на Донбассе либо ищут применение обретенным навыкам, либо – «донбасский синдром». Судя по периодическим утечкам данных о т.н. «небоевых потерях», как возвратных, так и невозвратных, психологическая трагедия в армии и после армии – куда большая беда для общества, чем потери на войне.

В 2018 году украинцы впервые в своей истории находились в состоянии «военного положения». Но грань фронтальной войны с Россией, возникшая как непосредственная угроза после инцидента в керченском про-

ливе, почему-то не стала ни мобилизующим фактором, ни поводом для антивоенного протеста.

Инициаторы из «партии власти» после короткой пропагандистской кампании приняли нужные решения, мобилизовали 10 областей, потратили дополнительные миллионы бюджетных денег на военные учения, постраждали люди в медиа. В ответ – напряженное равнодушие, неверие, и желание большинства пережить это самое «положение» как короткий и страшный сон. Слово старческая усталость от бесконечных забот жизни.

За рубежом, по разным оценкам, работает сейчас от 5 до 7 миллионов украинцев. Из них 3 миллиона – в России, 2 – в Польше. И никакая геополитика, НАТО/Ташкентский пакт и прочие важные идеологические аргументы – не помеха.

Уезжают молодые на учебу. Уезжают экономически активные – те, кому уже нет места в национальной экономике, но есть желание, таланты и энергия. Уезжают и те пожилые, кто не складывает руки до последнего вздоха. Остаются те, кого пока еще устраивает происходящее. Только надолго ли. Учитывая наших «бывших» в Крыму, на Донбассе, переселенцев в РФ и всех «заробитчан», в «малой Украине» на ПМЖ находится миллионов 32-35, из которых чуть меньше половины – люди пенсионного возраста. Многомиллионная провинция Европы...

Агрессивное невежество в медиа и старческое «знаем, слышали», рожденное уникальным феноменом украинской медиакратии (десятки ежедневных шоу с участием сотни политических говорунов и четырех сотен пропагандистов-экспертов в роли инструкторов по происходящему), превращают страну в огромный «дом престарелых». Завершение войны на Донбассе может сыграть роль детонатора для этого затишья – когда со всей очевидностью проявится цинизм и мерзость происходящего, и безвозвратность потери несостоявшегося будущего.

2) Украина в «пост-беловежье». Кризис «большой Украины» и оформление «малой Украины» символизирует собой завершение затянувшейся

эпохи «беловежского консенсуса» и начало жесткой борьбы за советское наследие, без старых правил и моральных обязательств.

За последние пять лет Украина изменилась до такой же неузнаваемости, как бывший Советский Союз – за пять лет «перестройки» с 1985 по 1991. И нынешнее состояние – переход 2018-2019 – очень похож по напряжению и неопределенности с переходом 1990-1991 гг.

Украина уже никогда не вернется в 2013-й, и уж тем более – в начало 2000-х. Ни социально, ни психологически, ни культурно, ни территориально. И дело даже не в потерянном Крыме и развороченной войной Донбассе. Украина расколота революцией и войной, обезвожена беженцами и трудовыми мигрантами, унижена гибридной информационной войной и примитивной милитаристской риторикой «партии войны». Вместе с тем, в измененной Украине, в режиме выживания и борьбы за жизнь, все выраженной становится новое ядро европейской украинской провинции – грубоватой, по-сельски коренастой и живучей, легко переходящей с плохого русского и диалектного украинского на «суржик-эсперанто».

В нынешней Украине тема церкви, фольклор, устойчивость «кручения» в борьбе за выживание и миграция из райцентра в европейскую границу стали нормой, вполне приемлемой по социальному и психологическому статусу. Примерно такая же метаморфоза произошла с «мешочниками» в конце 1980-начале 1990х, когда «вынужденность» стала новой престижной позицией «предприимчивых».

«Малая Украина» (или «Большая Винница») – более живуча, чем жесткий, но дробящийся и растерянный пост-советский восток и юг страны. Крепкое провинциальное ядро и расползающаяся пост-советская де-индустриализированная украинская окраина – так теперь выглядит страна после пяти лет порошковского проекта. Без ющенковских глечиков и пчел, с камуфляжем, с патриотическим нео-«комсомолом» от националистов и военными парадами без мирных демонстраций.

К сожалению, и создание объединенной православной церкви – ПЦУ (представители которой ведут себя скорее как «придворные», а не как священнослужители) – служит скорее инструментом новой сегрегации

украинцев и еще более обостряет проблему «разных идентичностей», чем мирит и сближает.

Изменившаяся Украина разводится с Россией. Бывшее совместное предприятие украинской и российской олигархии распалось. Борьба за территории, человеческие и экономические ресурсы напоминает сейчас борьбу за «испанское наследие» Нового времени.

Эта борьба во многом будет определять и судьбу украинской окраины востока и юга, где сильно пост-советское общество, и где еще сохранили свое влияние пригнувшиеся и спрятавшиеся по нормам региональной власти местные олигархи и бароны. Половинчатая децентрализация и агрессивный анти-регионализм власти угрожают превратить Украину в помещичье-полицейское государство, где подконтрольные Киеву ОТГ будут постепенно превращаться в мини-вотчины, а региональные бизнес- и управленческие элиты – окажутся без особых полномочий и влияния. Обратная сторона – рост автономистских настроений, связанных с региональным контролем над инфраструктурой, местными рынками, природными ресурсами и землей. Региональная фронда, опасаясь политической люстрации в 2019-м, готовится к реваншу в 2020-м.

Россия, сделав ставку на проект союзного государства, рассчитывает «собрать» советское наследие через новые расколы, сепаратизмы и присоединения. Российская власть плохо понимает процессы в Украине, потому что живет еще стереотипами о пост-советском пространстве образца 1990х, и опирается на «кривое зеркало» мнения обиженных и перепуганных беглецов. В России так и не поняли, что советская Украина таки состоялась как специфический национальный проект 1960-80-хх. И кризис этот проекта в связи с социальными потрясениями и электоральными спекуляциями вовсе не означал, что противники украинского этно-национализма станут приверженцами великодержавных идей соседа.

Превращение «русского мира» из просветительской национальной идеи в инструмент великодержавной пропаганды лишь катализировал «мало-украинские настроения» и одновременно дезориентировал пост-

советскую часть украинского общества. Путь к взаимопониманию будет сложным и – на грани фронтальной украино-российской войны.

С другой стороны, носители проекта «малой Украины – европейской провинции» готовы отстаивать право управления «советским наследием» огнем и мечом – все больше милитаризируя государство и укрепляя собственную правящую корпорацию. И без иллюзий – следуя «коду Порошенко», на президентских и парламентских выборах 2019 года в ассортименте будут представлены мессии и нео-синдикалисты, авторитарные вожди и радикал-популисты, имея все шансы составить новое большинство для «малой Украины».

Поиски достойной альтернативы «малой Украине» и формулы внутреннего консенсуса только начинаются. И однозначно – примитивная схема «восток и запад» тут не работает. Более сложная задача сшивки исторических поколений, времен, символов и укладов – осознается и признается далеко не всеми.

Предотвращение нового витка борьбы за «советское наследие», политика обще-национального примирения, разумный технократизм и неоиндустриализм в экономике (как своеобразная «таблетка от старения»), культурный модернизм и стряхивание средневековой провинциальной архаики, пройти «Злуку-2» и политическое единство декабря 1991го – сложнейшие исторические задачи. Вокруг которых и необходимо альтернативное объединение политиков и гуманитариев, не инфицированных еще «кодом Порошенко».

3) Украинский геополитический «аквариум». Политика прагматичных национальных интересов вновь вернулась в международные отношения. В 2018-м эти отношения все больше становились «меж-ракетными», особенно учитывая риски отказа от ДРСМД. Гонка вооружений – как жесткая антикризисная модель конкуренции в условиях непрекращающегося глобального экономического кризиса и угроз очередной волны рецессии. Слабое место модели (как и в эпоху «холодной войны» и кризиса начала 1980-х) – рискованый баланс на грани глобального конфликта. Украина – один из фитилей. Реальной угрозой фронтальной войны с Россией в 2018 была проде-

монстрирована миру – в Керченском заливе и в условиях месячного «военного положения» в 10 областях Украины. Украина остается одним из самых слабых звеньев глобальной безопасности. Militarизм военизированного государства в условиях все большего ослабления институтов государственности – превращает Украину в своеобразный «детонатор для Европы и Евразии».

Начавшаяся социальная революция в странах ЕС только набирает обороты. Национализм, еврокорпоративизм и евросоциализм схлестнулись в борьбе за будущее Европы. Попытки ослабления «социального государства» как ответ на экономический кризис подорвали саму социально-идеологическую основу евро-проекта – как идеализированной социальной коллективной модели развития. Евросоциализм был реабилитирован и укреплен движениями протеста, начавшимися с восстания «желтых жилетов» и подхваченных в других странах-членах ЕС. Украина рискует и здесь оказаться на обочине в качестве контрреволюционной нации Европы, которая в этих условиях ставит весь евро-континент на грань общей войны, и сама все больше погружается в национализм, клерикализм и милитаризм, с подорванными основами «социального государства» и возмущенным населением.

Политическая, финансовая и военная помощь коллективного Запада имеет свои ограничения – до грани войны. И попытки украинской «партии войны» втянуть Запад в войну встречают все большее сопротивление. Охлаждение интереса к Украине, рост неприятия национализма и коррупции (особенно – со стороны ближайших соседей Украины в Центральной Европе), грозят уже в 2019 году превратиться в прямое давление и вмешательство в украинскую власть, независимо от состава, с целью деэскалации восточного конфликта.

Украинские выборы-2019 несут в себе дополнительные риски для внешнего мира. Будет ли следующий состав власти более договороспособным или пойдет на эскалацию конфликта на Донбассе? Будут ли сняты новые точки напряжения по западному периметру украинской границы

(проблема национальных меньшинств, коррупция и контрабанда на границе)? Будет ли восстановлен гуманитарный диалог с соседями? Удастся ли снять риски эскалации ситуации в Азово-Черноморском бассейне? Все эти вопросы пока без ответа.

Грань войны – одновременно и грань выбора. Новое антивоенное движение, опирающееся на хельсинские идеи эффективной коллективной безопасности, с необходимостью связанные и с новым пониманием безопасности будущего как «безопасности развития», с существенно усиленной невоенной составляющей в обеспечении и поддержке безопасности жизни – может и должно рождаться именно в Украине. Очень надеюсь, что в 2019-м году идея **Хельсинки-2** будет настолько же очевидной и необходимой, как идеи социальной справедливости и «социального государства» в Европе.

«НОВАЯ ОПРЕДЕЛЁННОСТЬ» – ЗАВЕРШЕНИЕ УКРАИНСКОЙ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПЯТИЛЕТКИ 2013-18 гг.

ВИКТОР ЩЕРБИНА,
философ, д.социол.н.

В 2018 году завершена «революционная пятилетка» жизни украинского народа, ставшая периодом разрешения части социальных и политических противоречий, составлявших повестку жизни страны трех предыдущих десятилетий. Назревавшие с 1991 г. в обществе пост-УССР качественные изменения институциональных оснований политической, экономической и культурной сфер, нашли своё разрешение в событиях периода 2013-18 гг. На руинах политической организации недавней пост-советской Украины сформировано ядро новой государственности. Движущей силой и социальным заказчиком этого социального изменения стало новое политическое поколение, сформированное в период независимости. С 1991 года в украинском обществе бытовала двойственная неопределенность внутренних и внешних направлений его развития. Метания между «прошлым» и «будущем», Западом и Востоком, между либерализмом и автократией составляли единый процесс трансформации, принимаемый в качестве основы общественного консенсу-

са. Возможность разнообразия идеологических взглядов и политических интересов позволяла удерживать общество от открытых конфликтов – в неопределенности было место для разнообразных взглядов. В идеологии национал-этническое прочтение Украины противостояло общегражданскому, в экономике индустриальный уклад противостоял аграрному, в политике «западники» противостояли «восточникам». Общим в начале периода независимости было приятие тезиса «так жить нельзя» и естественными для поколения независимости выглядели поиски различных вариантов того, как жить «можно». Завершились эти метания обретением варианта того, «как жить должно». Фаза открытого политического противостояния носителей различных повесток общественной жизни, носителей противоречащих организационных начал и ресурсов, к 2013-14 гг. перешла в фазу открытой борьбы с привлечением различных внутренних и внешних ресурсов – силовых, политико-правовых, экономических. Диалог сменился открытым насилием – это создало новую ситуацию в стране, при этом государство выступило на одной стороне, в роли инструмента насилия в отношении отдельных общественных групп. Событиями начала 2014 г. вопрос о центральной власти был решён в пользу сторонников аграрной, общинной, этнически ориентированной модели Украины. Получение внешней легитимности стало решающим фактором в формировании нового политического ядра. Это запустило процессы перестройки основных общественных институтов – за пять лет прежние были разрушены и вместо них были созданы новые, со своей логикой, целями и ресурсами, часто не соответствующими ни прежнему консенсусу, ни отражавшей его Конституции. Произошла кадровая люстрация и созданы средства формирования общественной идеологии. Внутреннее политическое, экономическое и культурное многообразие Украины было принято в политических практиках как препятствие будущему правящих групп и страны в целом.

Итогом институциональной перестройки в 2018 г. стало возникновение нового общественного состояния социообразующего ядра Украины как социального целого. Это состояние можно назвать «новой определённостью». Его формирование не является результатом исключительно событий последних пяти лет – оно стало логичным завершением и историческим результатом четвертьвекового периода «демократического транзита» народа Украины. Страна получила новую политико-идеологическую государственную машину, имеющую своё представление о целях, методах

и задачах дальнейшей жизни народа. Также возникли новые социальные группы, на которые опирается эта машина.

Основными чертами этой «новой определённости» можно назвать следующие:

1. На смену политическому поколению начала независимости в институтах государственного управления пришло политическое поколение детей независимости, которое сформировалось с надеждой на реализацию той цели, которая провозглашалась в период его социализации. Общественная цена этой реализации рассматривается нынче как вторичный вопрос, а не применявшиеся раньше формы насилия видятся как едва ли не единственное адекватное цели средство.

2. В ядре политического сознания приверженцев «новой определённости» состоялся переход от «альтернативности», к «данности» общественных целей. Возникла безальтернативность утвердившихся в ходе конфликта форм общественной реальности (ценностей, норм, практик их применения). В отличие от прежнего социального состояния, новое в идеале не предполагает критического отношения к утвердившимся за пять лет характеристикам Украины. Эти характеристики заданы исключительно идеологической парадигмой «галицийской Украины». В этом состоянии процесс общественного диалога постулируется как возможный исключительно вокруг форм реализации уже исторически заданных принципов общественной жизни. Эту заданность можно не принимать, но изменять её не допускается спецификой общественной дискуссии – она организована по принципу «стою так и не могу иначе».

3. Индустриальный уклад общественной жизни деградировал на следующий качественный уровень – он утратил свою институциональную основу в государственной политике. На смену ему в общественных практиках воспроизведён традиционный уклад – что стало одним из оснований идеализации прошлого как основы сегодняшних практик социальной организации. Произошла смена базисной утопии – от «строительства хорошего общества для всех» перешли к «принятию исторической участи избранными». Сформированы обязательные атрибуты государственной идеологии, в практиках организации совместного действия запрос на рациональность и светскость сменился запросом на веру и клерикализм. В этом контексте

2018 г. принёс окончательное утверждение видения церкви как одного из важнейших государствообразующих институтов (наряду с армией).

4. В коммуникативном пространстве и политических ритуалах двойственность периода «поиска национальной идеи» завершилась безальтернативным утверждением «галицийской» парадигмы прочтения прошлого, настоящего и будущего Украины как единственно возможной. Категории экономического прагматизма отброшены и общество описывается в категориях эсхатологической этики – как форпост западной цивилизации. Нация понимается как самобытная общность, где этнические украинцы выступают политической основой, а украинские язык и культура выступают общеобязательной основой общественной идеологии и единственным средством формирования сферы публичного общения. Другие варианты исторической памяти, символической идентификации и оценок практик повседневного поведения исключаются как изначально недопустимые и враждебные.

5. Демонтирован прежний массив политического гражданского общества. Крайняя политизация всех сфер общественной жизни сделала государственные и производные от них структуры её единственными монопольными участниками.

6. Утвердилась новая топология социального пространства жизни народа Украины. Глобальное политическое и экономическое пространство утратило характер единой амбивалентной среды и стало пониматься как разделённое на «врагов» и «друзей». Внутреннее пространство утратило прежнее деление по культурно-региональному признаку и стало представляться пространством связей единого монолитного центра и децентрализованной периферии местных общин. Стабилизировалось структурирование пространства страны по военно-административному признаку на «подконтрольную», «неподконтрольную» территории и «Крым».

7. Повестка «военного конфликта» с РФ стала базовой составляющей дискурса легитимации государственного управления страной. Отношение граждан к этой повестке стало маркером лояльности и патриотичности. Возникла и продвигается политика мобилизации общества вокруг идеи военной победы и присутствия в стране внутреннего врага в лице «пятой колонны». На основе идеи мобилизации сформирована формула национального примирения для войны путем признания необходимости «перелистнуть страницу», прекратив дискуссии о событиях 2014-18 гг. Возникает

перспектива того, что, наряду с описанием вооруженного конфликта как межгосударственного, межэтнического и международного, будет сопровождаться его видение как конфликта интересов групп, обладающих признаками классов.

8. Произошло качественное изменение «медиа-тела» страны. В медиа-дискурсе доминирующей категорией стали описания процессов, связанных с войной и насилием. К концу 2018 г. практики диалогичности в общественной коммуникации были маргинализированы и обозначены как маркер пораженчества или предательства. В медиа сформированы два противоречивых, не сводимых к общим смыслам, дискурса, носители которых при коммуникации прибегают к насильственным действиям как решающему аргументу. Принцип «победитель получает всё» легитимирован наряду с практиками пропаганды и конструктивный диалог практически невозможен. Утвердившиеся форматы медиа-коммуникации конфликтно-генны и ориентированы на язык войны. Медиа-типаж обладающего идеализированными морально-нравственными качествами «военного героя» превращен в фигуру окончательной инстанции в публичной оценке любых процессов и явлений. Это дискредитировало экспертное знание как основу общественного диалога. На смену традиционным централизованным социальным медиа (газеты, телевидение) как источника и средства формирования общественного сознания, пришли «новые цифровые медиа». От ориентированных на рациональность текстовых конструкторов они перешли к конструкторам визуальной среды, где доминирует формат эмоционально насыщенных шоу. Социальное взаимодействие в такой среде представляется как происходящее в координатах «эстетической достоверности». Множество социальных проблем выпало из повестки медиа, превратившись в «тёмную материю», присутствие которой ощущается, но языка для выражения которой нет. Проявления этих проблем выглядят как отклонения и случайности, не имеющие отношения к общественным процессам.

Состояние «новой определенности» характеризует исторически возникшее новое ядро социальности Украины, представленное в лице государственной власти и части населения. «Новая определенность», отрицающая предыдущее состояние «незавершающегося выбора», стала для многих основой перехода к новому видению себя и страны.

Социальный эффект от возникновения «новой определённости» состоит в том, что она открывает новые возможности солидаризации и формирования общественных связей. К имевшей место ранее двойственной неопределённости сложно было отнестись однозначно, принять её или отторгнуть, ведь для этого нужно было её как-то однозначно интерпретировать с точки зрения своего видения будущего. Определенность снимает эту сложность, постулируя, что Украина – это и есть единственно то, что мы видим сегодня вокруг себя и в медиа, что другой она не является и быть не может. Однако эта состоявшаяся «новая определенность» создаёт и новые риски, и новые возможности, реализация которых и составит повестку исторического развития Украины в наступившем историческом периоде, движение в новое будущее только начинается. Одно дело мечтать о стране, где будут введены идеологические ограничения гражданских прав, бороться за это в дискуссиях, другое дело – жить практически, поддерживая этот порядок насилия и сталкиваясь с реакцией тех групп, в отношении к которым оно осуществляется. Одно дело пользоваться результатами процесса деиндустриализации, другое – жить в деиндустриализованном обществе со стагнирующей инфраструктурой жизнеобеспечения и ограниченным доступом к социальным благам.

Станет ли эта «новая определенность» эффективной основой общественного консенсуса, как это было с прежней «неопределенностью», позволявшей реализовывать внутреннее разнообразие общественной жизни страны, сказать трудно. Безусловно, что она породит новые проблемы, решение которых потребует последующего изменения практик управления и идеологием для их легитимации. События и различные опросы показывают, что часть народа Украины не принимает это «определившееся» ядро, реагируя внутренней и внешней эмиграцией, индивидуальным неприятием. Часть народа принимает эту новую определённую, активно участвуя в её утверждении и развитии, связывая с ней своё будущее и будущее своих детей. Конфликты между теми и другими обостряют этот процесс, но государство на стороне вторых, заставляя первых по-новому к себе определяться.

Любое состояние общества имеет свои исторические пределы и не длится бесконечно, оно становится пусть и важнейшей, но одной из предпосылок формирования жизненных миров народа как целого.

Насколько долго продлится состояние «новой определенности» 2018г., каковы внутренние и внешние пределы трансформации на её основе, насколько эта трансформация станет устойчивой основой жизни народа Украины, покажет уже ближайшее будущее. Если смотреть на это состояние изнутри, оно выглядит достаточно целостным и соответствующим тем принципам, на которые опирались люди, создававшие его. Достигнутое в ходе конфликтного решения прежних противоречий общественное состояние «новой определенности» воспринимается его носителями как абсолютный результат всего общества, безотносительная ценность, сама не подлежащая оценке. И это правомерно – ибо оценку даёт история по результатам дельнейшего движения. Убеждённость в собственной безальтернативности укрепляет субъективную уверенность приверженцев «новой определенности» в собственной правоте и эффективности. Это укрепляет внутренний консенсус по поводу повестки государственной жизни Украины, но за пределами этого консенсуса «новая определенность» выглядит несколько иначе. Кроме того, эта определенность – производная достигнутого в конфликте статус-кво в отношении социальных сил, с изменением которого может измениться и её основа. «Новая определенность» привлекает людей, живших в состоянии «прежней неопределённости», ведь она уже закончилась конфликтом. Поэтому возврат видится как нежелательный, поэтому и альтернативы «новой определённости» не могут складываться в этой парадигме. Если же смотреть на возникшее состояние с точки зрения перспективы трансформаций пришедших в движение глобальных мироустройства и миропорядка, оно может выглядеть не столь однозначным. Проблема дальнейшего развития «новой определённости» состоит в её зависимости от внешней легитимации. Данные опросов населения говорят о критически низкой поддержке ключевых положений реализуемых стратегий, одновременно с высокой оценкой этих же процессов со стороны внешних партнёров. Это ориентирует политических актеров на логику внешних процессов, делая «новую определённую» ресурсом внешних игроков, значительно подчиняя их интересам. В случае изменения отношений между ними может измениться и легитимность «новой определённости». Риском является также и её политико-идеологический характер, делающий экономические и социальные проблемы «расходным материалом» для её реализации, что проблематизирует перспективы её внутренней легитимации.

ЮРИЙ НАДТОКА,
политолог

Украина продолжает свой путь трансформаций, все дальше удаляясь от благостного образа миролюбивого зажиточного села, каким ее еще недавно воспринимали соседи. На данный момент можно с уверенностью говорить о переходе Украины из категории постсоветских в категорию несоветских государств. Конфликт с Россией и частью общества, которые все еще смотрят на социалистический период, как на «золотой век», – это одно из последствий этих процессов.

Правящая в Украине верхушка наконец-то осуществила мечту определенных политических кругов о пересмотре оснований, на которых строилась постсоветская украинская государственность.

Близится к завершению процесс пересмотра внеблокового мирного статуса Украины, хоть это не столько приближает нас к западу, сколько грозит дальнейшим обострением на востоке.

Культурное многообразие больше не рассматривается в качестве преимущества, делающего Украину ближе ко всему миру. Полифония теперь подается как пролог для территориальных претензий. С некоторых пор мы не мост, а самопровозглашенный форпост, как бы абсурдно это ни звучало в свете глобальных реалий. А в форпосте команды должны отдаваться единообразно, чтобы не вызывать двусмысленностей и не провоцировать неподчинения.

В рамках той же логики политическая система Украины больше не строится по принципу «сдержек и противовесов». Система власти делится на ветви чисто формально. А оппозиция лишена всех рычагов влияния на власть.

Правительство, чуткое к пожеланиям частных корпораций, практически закончило демонтаж социального государства, последовательно ликвидируя не только систему социального обеспечения, но и экономические предпосылки для ее реанимации. Их восстановление потребует преобразований и общественного движения, сопоставимых с новой социальной ре-

волюцией. Именно поэтому обещания возвращения социальных благ оцениваются исключительно как популистские.

Но строя несоветскую Украину именно таким образом, правящая националистическая верхушка имеет все шансы сделать ее «предсоветской».

Одним из базовых лейтмотивов украинского правительства последних лет стало заклинание о недопустимости повторения ошибок начала XX века. Этот призыв традиционно обращен к населению, единственно виноватому во всех национальных неудачах, и не имеет никакого отношения к руководству страны, уверенно прокладывающему национальный курс. Потому вместо усовершенствованной УНР, по официальной версии погубленной излишней демократичностью, в Украине XXI века развернулось строительство очередного то ли гетьманата, то ли директории, несмотря на не менее печальную судьбу их исторических прототипов.

В качестве идейной основы новой директории обществу предлагается триада «армія, віра, мова», которая по звучности может на равных конкурировать с «самодержавием, православием, народностью». Однако вместо ощущения величия и национального достоинства, усиливается ощущение, что эта правящая верхушка, независимо от того, сколько ей еще осталось быть правящей, решила повторить ошибку, совершенную в том-таки начале XX века.

Смыслом исторического поиска Украины, в ходе которого она сможет найти свое место в мире и, в то же время, сохраниться в качестве целостного общественного и государственного образования, является вовсе не переход от имперского подданства к подданству национальному, предлагающему строить автентичную версию «демократии слуг». Украинскому народу не нужен суверен. Украинцы не любят кланяться, и не любят тех, кто их к этому принуждает. Для любого украинца являются оскорбительными назойливые менторские поучения о том, что значит быть настоящим украинцем. Все это воспринимается, как склонность к анархии, но это не она. Это проявление острой усталости от того, что интересы украинских граждан произвольно, и даже насильно, раз за разом приносятся в жертву. При этом не важно, где находится субъект жертвоприношения. Вместе с тем усиливается запрос на политику, которая обеспечила бы гарантии для личной равнозначности граждан и их совладения страной. И это совершенно не то, что предлагается им сейчас.

В Украине вновь столкнулись две национальные доктрины – «иерархического верноподданства» и «гражданского совладения». Сторонники подданства, ученые горьким историческим опытом, готовы действовать резко и напористо, не играя в либерализм, применяя методы, которые сделали бы честь любому уважающему себя тоталитарному режиму. «Да, это XIX век, – говорят они. – Мы не прошли этого тогда. Но это надо сделать. Мы сделаем это сейчас». Предположение, что Украина не прошла этого тогда, потому что это не ее путь, отбрасывается, как идеологически вредное.

Правительство все более грубо вмешивается в сферы, где ему по определению нет места.

Построение национальной пропагандистской системы «промыывания мозгов», подменяющей общественную коммуникацию, официально провозглашается безотлагательной задачей. Происходит целенаправленная реабилитация и глорификация недемократических, насильственных политических практик.

Конституция, которая еще вчера имела статус национальной гордости, низведена до статуса досадного препятствия на пути у планов правительства. А критика, направленная против власти, приравнена к национальной измене, провозглашена признаком пятоколонности и поводом для привлечения внимания силовых органов.

Пикантности ситуации придает тот момент, что сами провайдеры подданства не видят себя бескорыстными рядовыми подвижниками, последовательными приверженцами этой идеологии, воплощенной в повседневной практике. Потому жизнь большинства из них наполнена парадоксами. Сетевая активность в пользу власти переплетается с играми в «демократическую орду». Воинственность сопровождается удаленностью от эпицентра конфликта. Патриотизм и «національна свідомість» – с обустройством жизни за пределами Украины. Разговоры о национальном единстве с попыткой занять комфортную позицию над «массой». Оттого их усилия порождают ощущение фальши, двойственности и манипулятивности, усиливаемое коррупционными скандалами.

Но следуя своей логике, «подданцы» толкают украинское общество к конфликтам. И это вызывает совершенно определенную реакцию. Ввиду ослепительности имперского величия соседа, украинские граждане толе-

рантно терпят (саботируют) большую часть кренов власти. Но очень нелояльно относятся к попыткам сорвать выборы, на которых они твердо намерены власть поменять. Поменять на тех, кто, как им кажется, обеспечит им права и вернет им собственность на ресурсы страны, которые сейчас у них отняты. В этом, а не только лишь в народной любви к дармовщине, состоит смысл роста поддержки популистов.

То, что лозунги прав и гражданского совладения страной подхвачены популистскими лидерами, конечно, вызывает сожаление. Но кто виноват, что об этом говорят только они?

Нет никаких оснований утверждать, что ожидания украинского общества будут удовлетворены новой властью. И эта попытка тоже окажется неудачной, если то, что говорят недоброжелатели об оппозиции, окажется правдой. Но не дать обществу сделать эту попытку – плохое решение, которым неминуемо воспользуются. Так же, как это было в прошлом.

«КОД ПОРОШЕНКО» И ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОЙ КОНСОЛИДАЦИИ

АЛЕКСАНДР ЛЕВЦУН,
социолог, к.с.н.

Осенью 2014 года, в преддверии парламентских выборов один из политологов выразил надежду, что в условиях противостояния с внешним агрессором украинское общество сможет наконец-то преодолеть внутренние противоречия и разногласия, свою разобщённость и сможет консолидироваться вокруг базовых ценностей.

С тех пор прошло пять лет. Украинское общество переживает кризис консолидации. У него нет общего видения перспективы. В нём нет доверия к власти и государственным институтам в целом. Граждане скептически относятся к политике, усиливается самоотчуждение населения от общественно-политической деятельности. Украинцы не доверяют политической элите; начало предвыборной кампании обнаружило кризис политического лидерства в стране.

Населения крайне недовольно тем, как работает руководство страны. По данным декабрьского (2018 г.) опроса, проведенного Центром

«СОФИЯ», подавляющее большинство (82%) украинских граждан в той или иной степени не одобряет работу Петра Порошенко на посту Президента Украины. Положительно оценивают работу Порошенко («полностью одобряют» или «скорее одобряют») 13% респондентов. По сравнению с декабрем 2017 года, доля положительных оценок сократилась с 19 до 13%. В то же время возросла доля отрицательных – с 76 до 82%.

Ключевым слоганом предвыборной кампании П.Порошенко стала триада «Армія. Мова. Віра». По умолчанию «код Порошенко» также включает такие ценностные ориентиры как «Евросоюз» и «НАТО». Фактически нам предложили лаконичный концепт национальной идеи («код национальной идентичности»), который должен объединить и сплотить украинцев.

Однако в обществе эти ценности воспринимаются и трактуются далеко не однозначно. В «коде Порошенко» «Армія» символизирует обороноспособность Украины, решимость страны противостоять имперской экспансии России. Однако оборонные мероприятия властей многими воспринимаются скептически. Две трети (67%) опрошенных граждан не поддержали введение военного положения в десяти областях Украины. В той или иной степени положительно восприняли это решение только 24% респондентов (Центр «СОФИЯ», декабрь 2018 г.).

Большинство населения (57% опрошенных) объясняет введение военного положения стремлением П.Порошенко отсрочить дату президентских выборов. И только 22% респондентов полагают, что это решение имело целью обеспечить безопасность страны (Центр «Социальный мониторинг, декабрь 2018 года).

В первый год войны идея вступления в НАТО была довольно популярной; многие надеялись, что Альянс может стать защитой от внешней агрессии. Сегодня менее половины (44%) граждан готовы проголосовать «за» вступление в НАТО на референдуме. В то же время на Юго-Востоке страны большинство населения выступает против атлантической интеграции (Группа «Рейтинг», декабрь 2018 г.)

После аннексии Крыма и начала войны на Донбассе значительная часть русскоязычного населения Украины оказалась на неподконтрольной территории. За счёт этого на подконтрольной территории увеличился удель-

ный вес украиноязычного населения. И тем не менее, проблема статуса русского языка не исчерпала себя. Почти половина (44%) опрошенных граждан считает, что русский должен получить либо статус регионального, либо статус второго государственного языка (Центр «СОФИЯ», октябрь 2018 г.)

Теперь что касается «Віри» и клерикалистских устремлений нынешней власти. Создание поместной Православной Церкви Украины население восприняло неоднозначно и без большого интереса. Менее половины опрошенных (39,3%) отнеслись к этому событию положительно. Немало (20,2%) респондентов восприняли эту новость негативно. Четверть граждан (26,4%) указали, что их это вообще не интересует. Немало (14,1%) было и тех, кто не определились с ответом (что тоже показательно). Иными словами, для значительной части населения это событие оказалось неактуальным (Центр «СОФИЯ», декабрь 2018 г.)

В массовом сознании доминирует мнение, что нынешняя власть нарушает принцип разделения государства и церкви, вмешиваясь в дела церкви. Такой точки зрения придерживается 52,5% опрошенных. Вдвое меньше тех (25,8%), кто считает, что власть соблюдает конституционное положение об отделении государства от церкви.

Повестка, предложенная Петром Порошенко, идет вразрез с теми ожиданиями, которые население связывает с предстоящими президентскими выборами. Опросы показывают, что людей беспокоят иные проблемы, и они по-другому видят приоритетные задачи будущего главы государства. «Народную повестку» ожиданий можно сформулировать следующим образом:

- **«Мира!»** скорейшее прекращение военных действий и урегулирование конфликта на Донбассе,
- **«Хлеба!»** – повышение покупательной способности, уровня жизни населения в целом;
- **«Справедливости!»** – привлечение к ответственности и наказание коррумпированных представителей власти.

«Код Порошенко» не только не способствует консолидации украинского общества, он стимулирует его фрагментацию, обеспечивает идеологическое оформление его отдельных социальных групп.

Политикам и экспертному сообществу пора увидеть в множественности украинского общества норму. От политики «принуждения меньшинства» («нагибания») следует перейти к «политике согласования». О консенсусе следует говорить как о главном факторе стабильности, в том числе политической. Необходимы новые социальные технологии согласования интересов, которые обеспечивают национальное единство не за счет доминирования «большинства», а через формирование культурного, символического капитала.

«ТРИ СТОЛПА» ЕДИНСТВА СТРАНЫ: ТОЛЕРАНТНОСТЬ, СОЦИАЛЬНАЯ СПЛОЧЕННОСТЬ, БЕЗОПАСНАЯ ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ

ВЛАДИМИР ЛУПАЦИЙ,
философ, к.с.н.

Национальное единство – нематериальный фактор, имеющий определяющее значение для формирования солидарности и национальной стойкости для страны, которая стала объектом внешней агрессии. **Способность страны в лице общества и государства, формировать и поддерживать национальное единство – является условием выживания в мире пост-правды и своеобразным пропуском в будущее.** К сожалению, несмотря на частоту использования в СМИ и среди украинских политиков термина «единство страны», Украина так и не получила осмысленной и программной политики по обеспечению и поддержанию «национального единства». Более того, превращение понятия «единая страна» в политическую мантру, является индикатором растущего цинизма и безответственности политического класса в Украине.

Такие понятия как «уровень толерантности в обществе», «индекс социальной сплоченности», «безопасная децентрализация» практически исключены из риторики большинства политических партий и их лидеров. В то же время, представители гражданского общества и экспертного сообщества продолжают акцентировать внимание на том, что достижение национального единства невозможно без прогресса в выше названных сферах.

ДЕФИЦИТ ТОЛЕРАНТНОСТИ – ТЕСТ НА ЦИВИЛИЗОВАННОСТЬ И ПОЛИТИЧЕСКУЮ КУЛЬТУРУ

В Украине сохраняется относительно низкий уровень толерантности, который является фоновым показателем для формирования политики национального единства. Об этом свидетельствуют результаты исследований таких аналитических центров Украины, в частности, Киевского международного института социологии. Тестовый вопрос, который используется институтом Гэллапа, показал существование фундаментальных **различий в оценке уровня толерантности при избрании президента в Украине и США**. Так, за женщину как кандидатку в президенты проголосовали бы 72% опрошенных украинца, за кандидата-еврея – 36%, а за темнокожего кандидата – 26%¹. В США за женщину как кандидатку в президенты были готовы проголосовать 92% опрошенных, за кандидата-еврея – 91%, а за темнокожего кандидата – 92%. Цифры говорят сами за себя.

С другой стороны, по оценке Ирины Бекешкиной, **лишь четверть опрошенных украинцев считает важным толерантность к людям с другими взглядами и образом жизни**. Большинство, как и в предыдущие годы, поддерживает ограничение прав уязвимых групп общества. Так, 66 процентов опрошенных не против ограничения прав наркозависимых, 56 процентов оправдывают ограничение прав бывших осужденных. 51 процент не возражает против ограничений прав людей с непопулярными политическими взглядами².

Таким образом, **без выработки и реализации политики в сфере развития и поддержания уровня толерантности в обществе, Украине не удастся искоренить такие явления как нападения на активистов, скандалы с буллингом школьников, самосуд и использование грубой силы как ключевого аргумента при разрешении конфликтов**.

¹ <https://hromadske.ua/posts/opituvannya-za-zhinku-yak-kandidatku-v-prezidenti-progolosuvali-b-72-ukrayinciv-za-temnozhirnogo-kandidata-26>

² <https://dif.org.ua/article/svoboda-demokratiya-i-spravedlivist-osnovni-tsinnosti-dlya-ukraintsiyvodnochas-riven-tolerantnosti-u-suspilstvi-dosi-nizkiy>

ИНДЕКС СОЦИАЛЬНОЙ СПЛОЧЕННОСТИ – ЗЕРКАЛО «НАЦИОНАЛЬНОГО ЕДИНСТВА»

Несмотря на то, что Украина подписала Соглашение о политической Ассоциации с ЕС, наша культура управления социальными процессами все еще далека от европейских стандартов и практик. В частности, за последние пять лет, в нашей стране так и не удалось наладить систематический мониторинг показателей индекса социальной сплоченности в обществе. Исключением являются исследования по оценке индекса социальной сплоченности и примирения для Восточной Украины, проводимые при поддержке Программы развития ООН³. К сожалению, последние замеры, представленные в декабре 2018 года, показывают снижение уровня личной безопасности граждан Украины и снижение уровня доверия к местной власти.

Во вторых, нельзя больше тянуть с внесением изменений в Стратегию государственного управления региональным развитием. Обеспечение социальной сплоченности должно войти в число ключевых приоритетов Стратегии государственного управления региональным развитием. По сути, Украина нуждается в формировании национальной инфраструктуры социальной сплоченности. Регионы в свою очередь, должны разработать и представить ежегодные Планы действий направленные на повышение уровня социальной сплоченности в регионах и громадах.

Очевидно, что формальные показатели роста ВВП страны и валового регионального продукта в регионе (ВРП) это язык бюрократии, который не может быть надежным и исчерпывающим индикатором эффективного государственного управления, обеспечения социальной сплоченности и справедливости. ***Обеспечение социальной стабильности, гражданского мира и национального единства будет оставаться под угрозой до тех пор, пока правительство Украины не осознает значение политики социальной сплоченности и не превратит индекс социальной сплоченности в ключевой показатель при оценке деятельности правительства и региональных органов власти.***

³ <http://shkvarki.org/ukraina/item/22386-rezultati-indeksu-sotsialnoji-zgurtovanosti-ta-primirenniya-oondlyashkidnoji-ukrajini>

БЕЗОПАСНАЯ ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ – ФОРМУЛА УКРАИНСКОГО РЕГИОНАЛИЗМА

Углубление процессов локализации и стихийной регионализации приближает Украину к «политической развилке». «Точка невозврата» связана с необходимостью выбора модели регионального развития и взаимодействия по линии центр – регион. Международный опыт свидетельствует о том, что коридор возможностей определяются **двумя крайними моделями (сценариями) регионального развития:**

1. Модель «делегированных полномочий» или «региональной деволюции»⁴, т.е. предоставления регионам со стороны центра более широкого поля для самостоятельного роста, внутреннего развития, привлечения внешних ресурсов в условиях глобализации. В отличие от ситуации с федерализмом, передача полномочий при деволюции не ведет к «разделению суверенитета»⁵. В отличие от децентрализации, деволюция подразумевает более существенное изменение территориальной системы управления: передачу не только исполнительных полномочий, но и некоторых законодательных, при установлении гарантий сохранения переданного.

2. Модель «перетягивания полномочий», которая связана с ростом требований со стороны регионов расширения полномочий и политических прав регионов, за счет эрозии государственного суверенитета страны.

Выбор той или иной модели регионального развития не имеет фатальной предопределенности и зависит от того насколько органы государственной власти смогут «сыграть на опережение».

К сожалению, вместо проактивной политики реформ власть сделала ставку на «перетряску» глав ОДА и «усмирение» депутатского корпуса фрондирующих областных советов. Тренд на политический регионализм, который проявил себя в требованиях о разделе полномочий между правительством и региональными органами власти или о переходе на договорные отношения между центром и регионами, невозможно переломить,

⁴ Деволюция (от лат. devolutio – «свёртывание») – в конституционно-правовой практике ряда стран – передача (делегирование) центральными правительственными органами части своих полномочий местным органам власти.

⁵ Хейвуд Э. Политология: Учебник для студентов вузов / Пер. с англ. под ред. Г. Г. Водолазова, В.Ю.Вельского. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. http://www.dut.edu.ua/uploads/l_703_43147980.pdf

опираясь исключительно на административные методы и «закручивание гаек».

Конструктивная повестка предполагает поиск ответов на три группы вопросов:

1. Как и с помощью чего замедлить процессы **«фрагментирующей регионализации»**? Иными словами, как уйти от модели экономического роста, за который приходится рассчитываться нарастанием и углублением диспропорций в уровне социально-экономического развития регионов?

2. Как «свернуть» политику «внутреннего колониализма», которая строится на наполнении государственного бюджета за счет подрыва потенциалов внутри-регионального роста. С другой стороны, как запустить программы **со-развития регионов**, которые бы стали альтернативой политике регионального эгоизма, который строится на достижении текущих выгод для отдельных регионов за счет подрыва общенациональных интересов в области экономической, социальной и военно-стратегической безопасности.

3. Наконец, нужен пакет мер, который бы дал толчок для **«функциональной регионализации»**, т.е. толчок развитию макрорегионов на основе экономической специализации и исполнения определенной роли в обеспечении общенациональной связности и формировании единого экономического и социокультурного пространства страны. Таким образом, Украина остро нуждается в разворачивании **национальных дебатов о целях и приоритетах регионального самоуправления**. Дебаты о «децентрализованном региональном самоуправлении» призваны обеспечить нахождение политического консенсуса и **формулы «нового украинского регионализма»**, т.е. формулы позволяющей решать триединую задачу: 1) «перезапуск» политики экономической модернизации и развития и регионов и страны в целом; 2) обеспечение национального единства и режима со-развития украинских регионов; 3) поддержание социальной сплоченности и территориальной целостности страны.

СВЯТОСЛАВ ДЕНИСЕНКО,
политолог

На протяжении последних лет размышления о кризисе мирового порядка уже стали общим местом практических всех экспертных дискуссий. Единственным отличием традиционно становились ценностно- идеологические установки сторонников сохранения мира существующего и тех, кто выступал с позиций пересмотра мирового порядка.

В этом споре «реакционеров» и «ревизионистов» уходящий год можно считать действительно знаковым. Практически в каждой из сфер жизнедеятельности современного человеческого общества отчетливо видны процессы деструкции ранее сложившихся моделей, правил и норм.

Глобальный экономический порядок и сложившуюся систему мирового разделения труда разрушают торговые войны, взаимные антимонопольные расследования и бесчисленные прямые санкции. Лихорадит мировые финансовые рынки и многие из ведущих мировых банков сегодня предупреждают и вероятности нового глобального кризиса уже в 2019 году.

Параллельно обостряется борьба за статус основной валюты международных расчетов. В практику торговли между странами все шире входят расчеты в национальных валютах, возвращаются схемы взаимозачетов и бартеров. Сектор глобальных финансов все более хаотизируется и риски даже непреднамеренного краха системы растут.

В перегруженной долгами мировой экономике любое движение ведущих центральных банков или введение дополнительных финансовых ограничений в расчетах между значимыми участниками системы может спровоцировать спираль банкротств. В своем нынешнем состоянии гарантировать мировую экономику от краха сопоставимого или большего, чем в 2008 году глобальная финансовая система не может.

Одним из наиболее тревожных показателей состояния глобальной экономики является «лихорадка» нефтяных цен. В пределах буквально четырех лет биржевые цены на нефть «метались» со 100 долларов до 40 и вновь до 80 долларов за баррель. При этом, в тот же период времени практически

неизменными оставались темпы роста глобальной экономики. Принимая все аргументы по поводу низкой эластичности спроса, накопленных резервах и устойчивости системы возникает ощущение завершенности «эпохи нефти», как главного энергетического сырья.

Уже в ближайшие десятилетия нефть, как в свое время уголь, может потерять статус эталонного сырья. Либо вследствие резкого удорожания и нерентабельности большинства производств, либо по причине столь же резкого удешевления и нерентабельности добычи. По крайней мере, ожидать новых «экономических чудес» в развитии отдельных стран и регионов в уходящую «нефтяную эпоху» не приходится. Мировая экономика больше не располагает необходимым объемом энергии для экспансивного роста, а возможно, даже для поддержания нынешнего статус-кво.

Масштабной ревизии подвергаются основы социального государства. Яркое свидетельство тому продолжающиеся до сих пор протесты «желтых жилетов» во Франции и других странах Европы и мира. У этих событий много трактовок. Кто-то видит в них антиправительственные выступления, некоторые трактуют как анти-эмигрантский и даже как анти-европейский бунт. Но ситуация видится немного шире и сложнее. Эти протесты расшатывают сами основания сложившегося во многих странах Европы социального государства. Фактически, демонстрируя завершенность и этого проекта.

Сегодня те, кто призван поддерживать социальное государство и социальный компромисс больше не хотят нести эти издержки, а те, на кого направлены блага социального государства отказываются социализироваться и принимать правила жизни в этом обществе. Именно об этом свидетельствуют несколько масштабных и трагических террористических атак в европейских странах, в том числе во Франции.

В состоянии энтропии находится и одна из самых передовых и динамичных сфер общественной жизни. Ранее свободные и открытые информационные общества, начинают борьбу с «фейковыми новостями» и негативным внешним информационным воздействием. Первой жертвой этой борьбы становятся социальные сети, которые с недавнего времени фактически превратились в наиболее современные и динамичные СМИ, позволяющие непосредственно взаимодействовать с источником информации.

Обоснованно или нет, но эти сетевые среды сегодня становятся главными «подозреваемыми» в случаях несанкционированного вмешательства в политические системы. Они часто фигурируют в скандалах с утечками персональных данных и рассматриваются, как среды распространения «фейковых» новостей. Во многих странах деятельность сетевых информационных сообществ уже находится под запретом, подвергается существенным ограничениям или проверкам с этой целью. Открытый информационный мир также переживают стадию деструкции и «сжатия».

В целом, идет активный процесс переосмысления понятия, роли и ценности человека. Размываются контуры традиционных представлений о семье, морали и общественном благе. Многие говорят о кризисе традиционных религий и снижении социального авторитета религиозных институтов.

Предсказания, боязнь и, одновременно, ожидание масштабной войны и глобальных катаклизмов можно считать своеобразным апогеем этой неопределенности и распада. Очень символическим завершение года можно вполне считать статью профессора Военного колледжа сухопутных войск США Роберт Фарли, размещенную в его блоге на сайте National Interest 22 декабря 2018 года. Примечательно, что широкое обсуждение получила не столько сама постановка автора о вероятности глобальной войны, сколько обсуждении мест и обстоятельств ее вероятного начала.

Многие сравнивают нынешний период с «Холодной войной», находя убедительные доказательства сходства в виде роста международной напряженности, начала гонки вооружений и введения давно забытых элементов «маккартизма» во внутренней политике некоторых стран мира. Но в этих рассуждения часто упускается одна мелкая, но важная деталь – в период Холодной войны система международных отношений конструировалась. Стороны прощупывали, иногда достаточно опасно, пределы экспансии своего влияния и пытались снимать напряженность через унормирование отношений в виде конвенций, пактов и международных договоров. «Война невероятна, мир невозможен». Именно такой характер конкуренции-взаимодействия великих держав конца 20-го века пророчески предсказал Раймон Арон

Сегодня же большинство «несущих конструкций» этого миропорядка рушатся. В том числе Договора, ограничивающие развертывание и обладание самым опасным из видов оружия эпохи ядерного мира. Более того, ста-

новится крайне сложно даже обеспечить диалог и минимальный уровень взаимодействия новых конкурентов-соперников. Во многих обществах формируется (или уже сформирована) такая повестка, в которой сам факт достижения любого соглашения станет невозможным. Вероятность войны действительно растет.

В сложившихся условиях спор двух доминирующих течений «ревизионистов» и «реакционеров» становится бессмысленным и ложным. Мир уже вошел в состоянии энтропии. Обеспечить «старый порядок» более не возможно, фактически, ни в одной из социальных сфер. Эти, обращенные в прошлое идеи, к сожалению не сработают.

Но проблема в том, что у большинства ревизионистов, по крайней мере, на сегодняшний день, нет общего видения, как развиваться миру. Все чаще в качестве ответа предлагается замкнуться в границах новых, геополитически оформленных, технологических зон, региональных квази-государств или, что еще утопичнее, в национальных рамках.

С высокой долей вероятности такой вариант выхода из нынешней ситуации просто не сработает. Стратегия «замыкания» и «огораживания» просто не обеспечит необходимого уровня безопасности и не гарантирует развития для таких сообществ.

Разрушение, даже временное, мировой системы разделения труда, сворачивание и примитивизация глобальной торговли заставят эти сообщества тратить огромные ресурсы и энергию на обеспечения своей экономической, социальной и технологической безопасности. Вместо концентрации ресурсов для динамического развития в рамках специализации в глобальном разделении труда силы будут уходить на банальное клонирование производств и технологий уже имеющихся в других технологических зонах. То же самое можно сказать в отношении функционирования социальных систем в целом. Огромные ресурсы будут уходить на сдерживание оппонентов и поддержание военного паритета. В результате, рано или поздно наступит ресурсный голод, дефицит и общее социально-экономическое перенапряжение. С чем собственно и столкнулся поздний СССР с известными для себя последствиями.

В результате, вместо нового паритета в международных отношениях, динамичной технологической конкуренции и всеобщего развития новый

дивный мир столкнется с деградацией, истощением ресурсов, обнищанием людей и постоянными вооруженными конфликтами большого масштаба и высокой интенсивности. Угроза распада или масштабного столкновения новообразованных «замкнутых» систем представляется практически неминуемой.

Ответить на вызовы планетарного масштаба в виде эпидемий, природных катаклизмов, истощения природных ресурсов такое сообщество окажется просто не в состоянии. Через «такт», возможно длиной в поколение, миру придется вернуться к обсуждению целей, задач и принципов взаимодействия, сосуществования и совместного развития. Или столкнуться с реальностью нового «каменного века», о которой говорил А.Эйнштейн описывая последствия новой глобальной войны.

Уйти от этого сценария можно только в случае начала нового глобального диалога о принципах сосуществования и взаимодействия. Причем, не только по отдельным вопросам борьбы с изменением климата, даже если под этим имеется в виду новая модель организации мировой экономике. И не только по проблемам беженцев, миграции и нео-номадизма.

Ключевой и самый опасный вызов сегодня находится в сфере международной безопасности. Обсуждение этой проблемы и выход на согласованную формулу коллективной «безопасности развития» даст ключ к совместному решению других системных проблем: нового общества, новой социальной справедливости и новой парадигмы развития.

Примеры такого диалога и взаимодействия, закончившиеся конкретными решениями, есть в относительно недавней мировой истории. Речь идет о Хельсинском процессе 1973-1975 года, и наработках с ним связанных.

Представляется, что этот успех сегодня может быть повторен даже с волочением большего круга стран-участниц и с более широким охватом проблем. Единственный вопрос – это готовность нынешних политических элит в нем участвовать.

ВАДИМ ЄМЕЦЬ,

к.е.н., експерт інституту стратегічних досліджень «Нова Україна»

ПАРАЛЕЛІ ЕКОНОМІЧНОГО ЗАНЕПАДУ ОСТАННЬОЇ П'ЯТИРІЧКИ ТА ПОПЕРЕДНЬОГО ПЕРІОДУ

Було б несправедливо говорити, що економічний занепад в Україні спостерігається виключно упродовж останньої п'ятирічки. Фактично, увесь період після розпаду Радянського Союзу економіка України деградує. Іноді цей процес мав відкриту форму, як на початку та всередині 90-х років ХХ ст. (коли цітники в продовольчих магазинах мали, щонайменше, шість нулів). Іноді латентну, як на початку 2000-х, коли деструктивні якісні зміни, в структурі економіки, маскувалися зростанням фізичних об'ємів виробництва через сприятливу кон'юнктуру на зовнішніх ринках, переважно сировинних товарів. Тоді, в Україні спостерігалось навіть дорожчання національної валюти (йдеться про 2007 рік). Що, для недалекоглядних політиків, стало приводом анонсувати перспективи її вільної конвертації.

У свою чергу, період 2014-2018 рр. можна охарактеризувати, як п'ятирічку, упродовж якої проявились приховані деструктивні зміни, а також ті, що можна виокремити шляхом простого зіставлення абсолютних цифр. Важливою особливістю цього часу є те, *що кумулятивний ефект від процесів, які мали місце, за своєю силою та руйнівною амплітудою були безпрецедентними в новітній економічній історії України.*

Звісно, економічний хаос 90-х з його гіперінфляцією, повальним безробіттям, повною втратою доходів-заощаджень населення та значним падінням виробництва, у реальному секторі економіки виглядав набагато драматичнішим у порівнянні з тим, що відбувалось в економіці країни у 2014-2018 рр. Однак, так здається лише на перший погляд. Якщо більш детально дослідити вказаний проміжок часу, то ми зрозуміємо, що економічні перспективи України виглядали не такими вже й безнадійними, особливо середньо- та довгострокові. Йдеться про те, що на час розпаду Радянського Союзу економіка України своїм потенціалом та структурою була співставною з економікою тогочасної Франції. Зокрема, країна мала: досить сучасні та добре диверсифі-

ковані виробничі потужності, що виробляли продукцію з високою доданою вартістю; надлишкову висококваліфіковану робочу силу та прийнятний демографічний стан; технологічний потенціал, що базувався на сотнях дослідницьких установ та організацій; помірну енергетичну залежність і, практично, повну відсутність державних боргів на балансі. При цьому, основною економічною проблемою була залежність від виробників компонентів готових товарів, розсіяних серед країн СРСР та відсутність ринків збуту поза СРСР.

І навпаки, за ілюзією економічної стабілізації, що мала місце у 2017-2018 рр. та супроводжувалась не виразним відновленням ВВП, зростанням експорту, номінальної заробітної плати й низьким офіційним рівнем безробіття, спостерігається глибока деградація всіх капітальних виробничих та інфраструктурних фондів, руйнування людського капіталу та втрата робочої сили, безперспективність у науковій та інноваційній сферах, критична енергетична залежність та боргова переобтяженість.

ХРОНОЛОГІЯ РОЗГОРТАННЯ СПІРАЛІ ЕКОНОМІЧНОГО ЗГАСАННЯ ОСТАННЬОЇ П'ЯТИРІЧКИ

Економічним процесам 2014-2018 рр. була властива низка особливостей, що сприяли *остаточному закріпленню статусу аграрно-сировинної економіки України, на заміну промислово-сировинній*. Серед найвагоміших таких особливостей є безпрецедентне, у новітній історії країни, фізичне знищення виробничих потужностей на сході держави, обумовлене військовими діями з одночасним демонтажем економічних зв'язків з основним (на той час) економічним партнером України – Російською Федерацією.

Результатом розгортання таких дій стала втрата відразу кількох базових стовпів макроекономічної рівноваги та пригнічення факторів, що є критичними для забезпечення зростання у середньо- та довгостроковій перспективі.

Зокрема, знищення виробничих потужностей обумовило падіння валютної виручки, капітальних інвестицій, вивільнило кваліфіковану робочу силу, надаючи імпульсу черговій хвилі міграції, відбулось скорочення реальних надходжень до центрального бюджету. Закриття зовнішніх ринків сприяло пришвидшенню занепаду в областях, де виробництво було суттєво зорієнтоване на РФ. Передусім мова йде про східні та центральні області України, західні області втратили через знецінення національної валюти. Все це спричинило глибоку економічну стагнацію.

Військова загроза виглядала екзистенційною для держави, у зв'язку з цим в країні, фактично, розпочалась мобілізація фінансових ресурсів для потреб армії. А, враховуючи зниження доходів державного бюджету, це можна було здійснити, виключно, за рахунок перерозподілу фінансових ресурсів. *Інструментом для цього стала реалізація таких реформ як: децентралізації, медичної, освітньої, пенсійної реформи, реформи системи розрахунків у сфері ЖКХ тощо.*

Впровадження цих реформ, фактично, означає відмову держави від відповідальності за фінансування соціальної сфери. Про так звані витрати розвитку, що пов'язані з фінансування капітальних інвестицій та підтримкою науки і інновації, взагалі полишили згадувати.

Висмоктування фінансового ресурсу з економіки, заради підтримання поточних витрат декількох широких прошарків населення (пенсіонери, військові, чиновники), абсолютизувало пріоритетність сьгоднішніх поточних витрат на шкоду майбутнім доходам. Так сформувалась *модель, за якої економічний розвиток і дії, що мають його супроводжувати, виглядають загрозою фізичному існуванню держави та мільйонів людей, вписаних у цю логіку, і тому її зміна, внутрішніми політичними діями, виглядає неможливою.*

Реакція бізнесу, на таку «державну політику», була досить очікуваною – концентрація капіталу у торговельному сегменті та фокусування на підтриманні поточного виробництва (без нових проектів) у секторах, зорієнтованих на внутрішній ринок і, лише, точкова експансія в межах сфер, націлених на експорт (йдеться, в першу чергу, про аграрний сектор). Іншою особливістю поведінки бізнесу була його відмова від повернення боргів банкам, що обумовило необхідність їх одержавлення. Таким чином, долучаючи власників депозитів до прошарку населення, перед яким держава має фінансові зобов'язання.

Остання п'ятирічка остаточно запровадила в Україні перехід до функціонування економіки в режимі «дикого капіталізму» та «ручного управління» економічними процесами в умовах перманентної військової загрози. Ідеальна суміш чинників, які знищують будь-яку підприємницьку ініціативу, переводячи увесь існуючий бізнес у безперервний режим виживання.

2018 р.: КОЛИ ЯКІСНЕ ПЕРЕХОДИТЬ У КІЛЬКІСНЕ

Якщо аналізувати особливості 2018 р. у контексті 2014-2018 рр., то відзначимо, що економічні процеси цього року були найменш виразними, у порівнянні з іншими періодами п'ятирічки. Так, 2014-2015 рр. в Україні спостерігався глибокий економічний спад в умовах макроекономічного розбалансування та різке падіння рівня життя населення. 2016-2017 рр. можна охарактеризувати, як період певного відновлення після зниження загрози економічного колапсу.

2018 – це рік підсумків роботи пост-революційної влади. Упродовж саме цього року остаточно з'ясувалось, що державна скарбниця балансує у «від'ємній зоні» і держава має проблеми навіть з виплатою наднизьких пенсій, а від дефолту відділяє лише можливість залучення фінансування від МВФ.

Також стало очевидним, що найбільш працююча частина населення настільки швидко полишає країну, наскільки зростають приватні надходження з-за кордону, що можуть сягнути рекордних 15 млрд. дол. США, а це співставно з третинною усього експорту України за рік.

2018 рік показав, що підтримання в належному стані, навіть найважливіших систем життєдіяльності країни, є практично неможливим. Цей факт ілюструється прикладами роботи «Укрпошти», менеджмент якої має намір радикально скоротити кількість відділень; «Укрзалізниці», яка готується демонтувати частину залізничного полотна; проблемами «Енергоатому» з модернізацією і впровадженням нових ядерних реакторів, постійним масовим знеструмленням сотень міст і сіл; проблемами з відновленням дорожнього покриття та забезпечення роботи міського транспорту; критичним зносом об'єктів ЖКХ тощо.

В енергетичному секторі несподіванок не трапилось – залежність від зовнішніх поставок спостерігається за усіма видами енергоносіїв: вугілля, бензин, дизель, газ, ядерне паливо.

У 2018 році, у низці міст (щонайменше 12) було зірвано опалювальний сезон. І його початок став можливим лише після особистого втручання Президента та Прем'єр-міністра.

У той же час, серед позитивних новин 2018 р. – рекордний врожай аграрної продукції!

Окремо слід згадати про те, що у 2018 р., вперше в новітній історії, економіка України функціонувала в умовах офіційно запровадженого воєнного стану (хоча й в урізаному вигляді). Ця подія стала ще однією ознакою руйнації економіки нашої держави. Запровадження військового стану практично ніяк не відобразилось на таких показниках, як: курс валюти та короткострокова відсоткова ставка. Це є свідченням того, що робота фінансового сектору обмежується, виключно, обслуговуванням поточної діяльності приватних та публічних суб'єктів. У той час, як міжнародне кредитування та інвестування – фактично відсутнє, хоча офіційна статистика й приводить деякі позитивні дані.

Усі ці факти ілюструють якість управління національною економікою. При цьому, мова йде не про окремого політика, який очолює державу або окрему сферу економіки, йдеться про системну кризу управління, що спостерігається в країні та її загострення в останні роки, що призводить до розпаду всього економічного організму.

ПЕРСПЕКТИВА ВІДНОВЛЕННЯ ПО ЗАВЕРШЕННЮ П'ЯТИРІЧКИ ЕКОНОМІЧНОЇ СТАГНАЦІЇ

Враховуючи стан, в якому перебуває економіка України, її відновлення, хоча б до рівня розвитку сусідньої Польщі, виглядає фантастикою. При цьому, на сьогоднішній день, відсутні ознаки того, що у державній політиці можуть відбутися зміни, що сприятимуть помірним позитивним структурним зрушенням.

Якщо говорити безпосередньо про можливі шляхи економічного відродження в Україні, то першочерговим завданням є перебудова системи управління економікою. Що включає в себе відбудову державних інститутів, зокрема, роботу судової системи, ліквідацію можливостей для збагачення окремих суб'єктів за рахунок державних коштів, створення дружньої атмосфери для бізнесової ініціативи. Перед владою постає завдання не тільки абсолютного зростання ВВП країни, а й створення умов для нарощення капітальних витрат у ВВП, як першооснови зміни структури економіки. Іншим словами, спрямування частини фінансових ресурсів, що перерозподіляються на користь приватних суб'єктів і виводяться з економіки задля споживання, на напрямки, пов'язані з економічною експансією (покращення транспортної інфраструктури, продуктивності праці, зниження енергоємності виробництв,

впровадження інноваційних технологій в різні галузі економіки тощо). Також, невідкладним на першочерговому етапі є подолання дефіцитів – платіжного балансу та державного бюджету, що дає можливість говорити про відновлення макроекономічної стійкості й зниження бар'єрів доступу до міжнародних ринків капіталу. І лише з виконанням «домашньої роботи» у країні з'явиться шанс на перехід до логіки економічного відновлення і, можливо навіть, – розвитку.

На початковому етапі економічних перетворень, роль держави є винятковою, оскільки її завдання, пов'язано не з забезпеченням колосальних інвестицій заради побудови нових потужностей, а із створенням умов, за яких українська економіка виглядала б привабливою у середньо- і довгостроковій перспективі, таким чином притягуючи внутрішні і зовнішні капітали. При цьому, безпосередня участь держави у потужних інвестиційних проектах не виключається, але такі випадки мають бути пов'язані із подоланням «вузьких місць» в економіці, що гальмують її розвиток і, які ринок неспроможний подолати самотужки.

У будь-якому випадку, стартові умови України на поточному етапі дуже слабкі і, навіть за оптимістичним сценарієм, переведення країни у режим розвитку займе щонайменше наступну п'ятирічку.

НАУКА И ТЕХНОЛОГИИ В УКРАИНЕ: ЗАКАТ НА ФОНЕ РАССВЕТА

АНДРЕЙ МАКЛАКОВ,
научный обозреватель Института
стратегических исследований
«Новая Украина»

Наука, технологии и инновации являются ключевыми двигателями экономического роста. Однако бедственное состояние украинской науки уже давно стало общеизвестным. Со времен обретения независимости ситуация почти постоянно ухудшалась. По закону государство обязано финансировать науку на уровне не менее 1,7% ВВП страны, однако на практике государство методично сокращает финансирование. Было найдено и законное оправдание для этого: в 2015 году в преамбулу закона «О научной и научно-технической деятельности» внесли дополнение о том, что финансирование будет вестись, «исходя из имеющихся финансовых ресурсов». В результате

финансирование было радикально урезано до менее 0,2% ВВП. В 2018 году на науку было выделено всего 3,7 млрд. грн.

Судьбу украинской науки нельзя отделять от судьбы всей страны. Показательно, что последние годы накачивалась деньгами армия, а религиозные организации получили 50% скидку на газ. Борьба за автокефалию церкви лишний раз показала, каковы приоритеты нынешнего политического режима.

УТРАТА НАУКИ – ИЛИ ИЗБАВЛЕНИЕ ОТ НЕЕ?

Такова общая картина. Однако и при более детальном ее рассмотрении она существенно не меняется. Анализом проблем украинской науки занимались как ученые, так и журналисты. «В Украине нет науки, и это надо признать. Seriously, давай перестанем называть ЭТО наукой. Отдельные разработки — есть. Энтузиасты и фанатики, которым плевать на деньги — есть. В Институте кибернетики есть суперкомпьютер, украинка рассчитала, как лучше упаковывать шары в многомерных пространствах. Но большого количества масштабных исследований, которые потрясли бы мир, нет»⁶.

Заявление об исчезновении в стране науки может показаться преувеличением, но факты неутешительны. В стране нет нобелевских лауреатов, крайне мало запатентованных изобретений (примерно в 5000 раз меньше, чем на миллион населения в США). Ученые массово выезжают в другие страны, а оставшиеся почти не публикуют научных работ. Большинство украинских ученых в международных базах, таких как Scopus, просто нет, потому что многие за всю жизнь не опубликовали ни одной научной статьи в международном научном издании. Причина банальна – они не знают английского и не имеют мотивации, поскольку не имеют перспектив продвижения. Средний возраст президиума НАНУ – 74 года. Свои должности, в основном, ученые получили еще 30-40 лет назад. Более того, руководителю учреждения Борису Патону в 2018 году, как и самой Академии, исполнилось 100 лет.

Закат украинской науки особенно показателен на фоне мировых тенденций. По данным ЮНЕСКО, финансирование R&D (научных исследований и разработок) последние годы растет со скоростью примерно в 5% в год. Среди лидеров – США, Китай, Южная Корея, Израиль. По расходам на науку и

⁶ https://24tv.ua/ru/tehnologii_tag1131

технологии Украина уже сравнялась с наиболее отсталыми странами мира. Однако важны не только цифры, тенденции, но и общественные настроения. Общество практически утратило интерес к науке. Даже война на Донбассе не стимулировала освоение новых технологий. Фактически она способствовала противоположному, свидетельством чему стали демонстрации ученых перед Кабмином, требующих повышения зарплат.

Безусловно, украинский опыт утраты научно-технического и интеллектуального потенциала – не уникален. Нечто подобное можно найти в истории – это Китай времен «культурной революции» или режим Пол Пота в Камбодже. Есть и примеры африканских стран. Однако эти страны не летали в космос, не имели самолетостроения или автомобильной промышленности. Акции по «истреблению умников» были непродолжительными. Украина же демонстрирует последовательную, системную политику пренебрежения к своему научно-техническому потенциалу, начиная с первых же лет независимости, которую можно трактовать и как стремление избавиться от него, превратив страну в сырьевой, аграрный придаток Запада.

ОАЗИСЫ И ПОДВИЖКИ

Безусловно, в стране еще остались оазисы, в которых теплится научная мысль, где ведутся разработки и заключаются контракты с иностранными партнерами. В их числе – КБ «Южное» им. Янгеля (ракетно-космическая техника), Запорожское машиностроительное КБ «Прогресс» им. Ивченко (авиационное двигателестроение) и ПАО «Турбогаз» (энергетическое машиностроение).

Нельзя сказать, что для развития науки не предпринимается никаких попыток. Летом 2018 правительство учредило Национальный фонд исследований. С 2019 года фонд должен начать грантовую поддержку научных исследований и разработок.

Как сообщает «Урядовий портал», Нацфонд исследований будет работать по следующим основным направлениям: непосредственное выполнение научных исследований и разработок; содействие научному сотрудничеству, научной мобильности, в том числе научную стажировку научных работников, в том числе и за рубежом; развитие материально-технической базы научных исследований и разработок; развитие исследовательской инфраструктуры; поддержка проектов молодых ученых; популяризация науки.

«Принципиальное для нас задача – не просто создать Фонд, а наполнить его качественно новым содержанием, прозрачными процедурами для функционирования и финансирования проектов. Мы создали такую структуру, чтобы полномочия внутри Фонда были логично распределены и минимизировали конфликты интересов»⁷, – отметила Лилия Гриневич, министр науки и образования Украины.

«В среднесрочном плане деятельности Правительства определено, что 2020 года финансирование науки за счет бюджета должно достичь 0,5% ВВП. С этого финансирования мы хотим, чтобы на Нацфонд исследований ушло около 13-15%. Если наша экономика сможет обеспечить такой рост – это будет невероятным прорывом для всей страны, ведь сейчас, даже несмотря на увеличение финансирования науки, мы очень сильно отстаем от инвестиций тех государств, которые действительно имеют весомые успехи в научной сфере», – подытожила министр.

Конечно, 0,5% ВВП, по сравнению с нынешними 0,16%, выглядит привлекательно, но это едва ли можно назвать «невероятным прорывом», так как это более чем *в три раза меньше, чем предусмотрено по ныне действующему законодательству*. Несмотря на заявления госпожи министра, нет уверенности в том, что Национальный фонд исследований Украины получит необходимые средства, учитывая то, что 2019 – год выборов, а сокращение финансирования науки в Украине – давний тренд.

БЛИЖАЙШИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Сомнения в том, что этот тренд удастся переломить, усиливает то, что *наука фактически ушла из общественного сознания*. О ней не говорят политики. Наука стала своего рода «фигурой умолчания» – она как бы существует, но говорить о ней не принято.

Показательно, что в стране есть религиозный канал телевидения «Надія», но практически нет научных телепередач, и существует всего пару научно-популярных изданий. С каждым годом строится все больше церквей, и становится все меньше научных лабораторий. Молодежь не хочет идти в науку. Куда более перспективно идти в религиозные организации – они дают

⁷ <https://www.kmu.gov.ua/ua/news/uryad-stvoriv-nacionalnij-fond-doslidzhen-yakij-davatime-granti-na-nauku-z-2019-roku>

моральную, а порой и материальную поддержку. Некоторые из них помогают и с эмиграцией.

В стране сформировалась специфическая провинциально-консервативная *атмосфера нетерпимости* к талантам. Тому есть объективные подтверждения: в рейтинге конкурентоспособности талантов «Global Talent Competitiveness Index 2018»⁸ Украина оказалась на 61 месте, между Ливаном и Ботсваной, то есть глубоко провинциальными странами, пораженными тяжёлым кризисом и коррупцией.

У наших сограждан отсутствуют возможности для самореализации: Украина занимает в этом же рейтинге 98-е место по степени привлекательности страны для высококвалифицированных кадров. Понятно, почему – мало платят, и нет возможностей продвижения. По некоторым оценкам, из Украины уже выехало более 25 тысяч научных сотрудников, не говоря уже о миллионах людей, выехавших на заработки.

В настоящее время по значению наукоёмкости ВВП Украина уступает почти всем странам Европы, хотя во второй половине 1980-х годов Украина опережала по этому показателю Германию, Францию и Великобританию⁹. Как пишет автор этого исследования, Украина является уникальным примером отказа от ценностей самостоятельного производства нового знания, страна испытала *радикальное сокращение уровня приоритетности науки* относительно иных целей социально-экономического развития — с 2,44 до 0,2% ВВП, то есть в 12 раз. А поскольку этот де-эволюционный путь длится уже 27 лет, то приходится признать, что «попытки исправления сложившегося положения будут отягощены колоссальной отрицательной инерцией, связанной с укоренённым отношением властей к научно-техническому развитию как к чему-то факультативному, а также с демотивацией и деквалификацией части оставшихся научных кадров».

НОВЫЕ ОТВЕТЫ НА СТАРЫЕ ВОПРОСЫ

Большинство экспертов считает, что основная проблема украинской науки – в недостаточном финансировании. Но какой должна быть система финансирования научных исследований в нынешних условиях? Этот вопрос

⁸ <https://gtcistudy.com/wp-content/uploads/2018/01/GTCI-2018-web.r1-1.pdf>

⁹ <https://commons.com.ua/uk/masshtaby-krizisa-nauki/>

недавно поставил премьер Гройсман на заседании Национального совета по вопросам развития и технологий¹⁰. Ответ на него дали сами украинские ученые в многочисленных публикациях.

Прежде всего, это *определение приоритетных направлений*. Второе – избавление от бесполезных учреждений, оптимизация системы государственной науки. Третье – провести аудит научной тематики, удалить дублирование, провести *анализ объема и структуры научных учреждений* и, сравнив его со значимостью научной тематики, оценить эффективность использования средств. Четвертое – повысить мобильность ученых, выделяя средства на командировки и участие в зарубежных конференциях. Пятое – наладить целевое финансирование прикладных исследований по заказу государства, стимулировать бизнес-структуры для финансирования науки. Шестое – активизация грантовых инициатив.

Однако, помимо финансирования, необходимо *модернизировать и систему управления наукой*. «Без этого украинская наука обречена – всегда будет чего-то не хватать для того, чтоб создать что-либо за уже выделенные миллионы и миллиарды. Академия наук требует системного реформирования и модернизации, омоложения руководящего состава. Должны быть заменены все директора институтов, кому исполнилось 70 лет». Опыт ученых, которым за 65, крайне нужен, но – как ученых, руководителей научного направления, а не вечных «президентов» и «директоров», – писала Н.Черная в статье «Украинская наука: вековой застой»¹¹.

ГЛОБАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ

Мировой контекст научно-технического развития, как и само состояние мировой науки, отечественные авторы обычно оставляют «за скобками». Тем не менее, он крайне важен и для определения приоритетов будущими реформаторами, и для понимания общей ситуации.

Мир сегодня находится в начале нового витка научно-технического развития, однако на этот раз он связан вовсе не с пресловутыми «ИТ», а с энергетическими и транспортными технологиями. Это переход автомобиль-

¹⁰ <https://112.ua/obshchestvo/groysman-povyshenie-kachestva-nauchnyh-issledovaniy--neobhodimoe-usloviya-privlecheniya-investiciy-v-etu-sferu-369371.html>

¹¹ <https://www.unian.net/science/1944639-ukrainskaya-nauka-vekovoy-zastoy.html>

ного и морского транспорта (а в перспективе – и авиации) на водородное топливо. 2018 стал годом, когда ранее скрытый «водородный тренд» проявился со всей отчетливостью. Можно говорить о настоящей «водородной революции», и закате эпохи нефти. Технологии получения дешевого водорода разрабатываются во множестве лабораторий, все говорит о том, что уже в ближайшие годы его стоимость будет существенно снижена (пока что она чуть выше стоимости бензина). Большой интерес к водородным технологиям проявляют американские военные, так, в 2018 году фирма «Дженерал Моторс» представила военный грузовик на водородных топливных элементах.

Второе направление, вызывающее пристальный интерес это LENR. В 2019 году ожидается презентация начала *коммерческого использования* этого нового источника энергии – экологически чистого, дешевого и потенциально неисчерпаемого.

Остальные направления уже хорошо известны. В условиях Украины наиболее перспективными выглядят технологии Waste-to-Energy (переработки отходов на энергию), 3-D печати в строительстве, биотехнологии, информационная медицина, и другие, которые, в первую очередь, нацелены на удовлетворение потребностей *внутреннего рынка*.

Что касается направлений, которые нацелены на внешний рынок, то здесь значительно сложнее. Потребуется скоординированные действия государства и частного бизнеса (возможно, через механизм государственно-частного партнерства), а также особые усилия научных коллективов. Но более всего потребуются хорошее понимание силы и слабости западной науки. Не секрет, что *научный мир сегодня переживает кризис*, связанный в первую очередь с тем, что уже более столетия он оказался под влиянием мощных групп особых интересов – кластеров транснациональных корпораций. Наука как система общественных институтов фактически стала инструментом власти, способом не только ускорить развитие одних регионов или секторов экономики, но и затормозить развитие других.

Как писали западные науковеды Салтелли и Фантовиц в работе «What is science`s crisis really about?»¹², сами ученые не могут разрешить **мировой**

¹² <https://ddd.uab.cat/record/188459>

научный кризис, поскольку он им выгоден, и они же сами способствовали его возникновению. Тем не менее, реформация не является невозможной.

Каковы пути выхода из этого кризиса – этот сложный вопрос требует отдельного рассмотрения. Новая научная парадигма является предметом ожесточенных дискуссий. Причем борьба идет не между представителями научного мейнстрима и их оппонентами, скорее – внутри научной оппозиции. Еще Томас Кун указал на то, что развитие науки идет не линейным путем, а через революционные изменения. Однако для политиков, нацеленных на успех страны, реформирование науки, **сам факт осознания мирового кризиса открывает возможности для достижения национального успеха.**

Какой бы сложной и драматичной ни была ситуация в украинской науке, в каком бы сложном положении ни оказалась наша экономика, знания наших сил и слабостей, понимание мировой ситуации дает нам шанс, которое будущее руководство страны, мы надеемся, сможет использовать.

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ. СКОЛЬКО НАС?

ДМИТРИЙ ЕРМОЛАЕВ,
главный редактор в Strategic Group
Sofia, эксперт Института стратегических исследований «Новая Украина»

СФЕРИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ИЛИ «ОФИЦИАЛЬНАЯ СТАТИСТИКА»

К началу 2018 года номинальная численность населения составляет порядка 42.3 млн. чел. На данный момент из базовой цифры 2013-го года 45.4 млн. чел. было исключено 2 млн. чел. населения Крыма + 340 тыс. населения Севастополя. Население территории ОРДЛО до сих пор берется в актуальный оперативный расчет общего населения (но фактически не имея там украинского государственного администрирования и не включая его в социально-экономическую жизнь пространства единой страны).

Около 1.2 миллиона граждан Украины покинули территорию ОРДЛО и стали постоянными внутренними мигрантами (800 тыс. – стали внутренними переселенцами, переехав преимущественно на территории областей и районов по соседству с территорией ОРДЛО //прилегающие к конфликту районы Донецкой и Луганской области, Харьковская, Днепропетровская и Запорож-

ская области) переехали в РФ (получили гражданство/осели на новом месте для постоянного жительства +-430 тыс.) В первые годы конфликта всего под 1,5 миллиона человек стали внутренними переселенцами, убегая как от войны, так и от ее социально-экономических последствий на незатронутых боевыми действиями территориях.

СКОЛЬКО НАС В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Официальная статистика оперирует базовыми данными аж 2001 года (первая и последняя перепись населения Украины). С тех пор данные корректировались по принципу учета естественной убыли населения: разницу живорожденных и умерших + число лишенных гражданства. Но все это время присутствовал постоянный миграционный поток, состоящий как из сезонных краткосрочных рабочих мигрантов, так и из долгосрочных эмигрировавших граждан (решение о своем гражданстве окончательно не решивших, но и не вернувшихся). Это создало парадоксальную ситуацию. Согласно данным исследования Центра экономической стратегии: **6.3 млн.** украинцев, начиная с 2001-го выехало, но обратно через границу не вернулось (на апрель 2018-го). Оценка численности одновременно работающих за рубежом украинцев колеблется в диапазоне 3,0 млн. человек. Итогом является вопрос о **3.3 млн. экономически активных украинцев**, которые **давно находятся в долгосрочной миграции**, но продолжают учитываться в официальной статистике (а это и учет в бюджетном перераспределении и в расчетах занятости/безработицы и т.д.)

Учитывая тренды рынка труда и экономические перспективы, есть все основания считать, что данные наши граждане фактически заочно покинули Украину на неопределенное время. По данным за 2017-й год: очередь из желающих присоединиться к постоянной трудовой миграции составляет около 1,5 млн. чел. (18-64 лет) и намерены в течение ближайших шести месяцев выезжать на длительный (более трех месяцев) срок; активно осуществляют необходимые шаги для этого. А это означает лишь, что при умеренно растущем спросе на рынке труда ближайших европейских стран (Польша, Чехия и т.д.), само количество выпавших из экономического пространства страны украинцев непропорционально растет вверх.

Дефицит (хорошо оплачиваемых) рабочих рук уже внутри Украины при сохранении миграционного вектора на рынке труда говорит о серьезнейшем

разрушительном для отечественной экономики феномене: участие украинцев во внешних миграциях фактически превратилось в единственный социальный лифт. Лица, временно выезжающие в европейские страны, чаще всего пытаются там остаться (и вывезти семью), превращая временную миграцию в стационарную.

«Общая низкая оценка и ситуации в стране, и своей индивидуальной жизни, которая аккумулируется индексом социального самочувствия, трансформируется в желание многих украинцев, особенно молодых, активных и конкурентоспособных, выехать за границу на постоянное место жительства или, по крайней мере, на работу или учебу»

Учебная миграция выросла за последние два года на 20 процентов. По данным исследования, лишь 6% нынешних студентов точно планируют вернуться в Украину.

Уезжают самые экономически активные пласты населения: 41% украинских трудовых мигрантов в 2015-2017 гг. моложе 35 лет и только 20% старше 50.

Таким образом, реальная постоянная численность населения Украины на территории, контролируемой национальной властью (то есть те, кто постоянно проживают на территории и находятся в правовом поле Украины), по состоянию на конец 2018 года, составляет **32-34 миллиона** человек!

Экономическая нагрузка. В Украине числится **5.8 млн. чел. младше 15 лет** (первая категория экономически неактивного населения). По данным Пенсионного фонда, на 1 января 2018 года в Украине на учете было **11,7 млн. чел.** пенсионеров (из них 450 тыс. чел. – «ордлошники», 650 тыс. чел. из ОРДЛО пенсию не получают), из них 63% женщин и 37% мужчин. **Работающими пенсионерами** при этом считаются **6.4 млн. чел.** Состав экономически неактивного населения в 2016-м (последние данные) – 10,9 млн. чел. (пенсионеры 52,8%, учащиеся, студенты дневной формы обучения: 21,4%; выполняют домашние (семейные) обязанности, находятся на содержании 20,8%, по состоянию здоровья 1.2%; 418 тыс. чел. – все остальные). В итоге мы получаем **16.7 млн. чел. не работающих** к **17.3 млн. чел.** экономически активных = коэффициент 1.03. (в расчет берется максимальная оценка фактически проживающего на контролируемой территории населения в 34 млн.)

Изменился состав и демографическая картина целого ряда административных областей:

- Харьковская, Днепропетровская, Запорожская, Киевская – фактическое увеличение населения за счет волны переселенцев с ОРДЛО;

- По оценкам разработчиков Генплана-2025, в шести самых крупных городах вокруг столицы и десяти ближайших районах Киевской области жилищный фонд увеличится в 2,6 раза; это означает, что возрастет пропорционально и численность населения пригородной зоны: с нынешних 980 тыс. до 2,5 млн. чел. Суммарно на 2025 г. сформируется Киевская агломерация численностью, по меньшей мере, **7,5 млн. чел.** Схлопывающаяся региональная экономика, которая формировалась вокруг экономических эффектов промышленности крупных городов-областных центров, приводит к убеганию населения в столицу (с активной скупкой недвижимости и реинвестированием вывезенных активов).

- Черновицкая, Закарпатская, Львовская, Тернопольская, Ивано-Франковская, Хмельницкая, Ровенская – фактическое уменьшение населения из-за стабильного трудового миграционного потока (страны ЕС и РФ).

ОРДЛО: На протяжении 2014-2018 гг. на оккупированных территориях Донецкой и Луганской областей вследствие миграционного оттока молодежи и семей с детьми и падение рождаемости **доля детей и молодежи в возрасте менее 20 лет значительно сократилась** – она упала **до 10% или**

ниже, что более чем вдвое меньше, чем в мирных регионах Украины. Также заметно уменьшилась по миграционным причинам доля жителей в возрасте от 20 до 39 лет – примерно до 27%. В то же время доля жителей в возрасте от 40 до 59 лет выросла почти до 35%, а в возрасте 60 лет и старше – до 28%, **на треть больше остальной страны.**

Итог. Демографическо-экономическая нагрузка до 2030-35 катастрофически возрастет из-за того, что грядет **поколения малой рождаемости**. С учетом миграционных процессов соотношение количества работающих к гражданам «на содержании» выйдет на чистое негативное значение. Разворачи-

вающаяся рабочая миграция уже сейчас приводит к дефициту квалифицированной рабочей силы; экстренное бегство кадров и студенческая миграция (с целью в будущем закрепиться в странах «перспективной судьбы») означают кратное ускорение процессов старения украинского общества.

Депопуляция принимает характер непропорционального сокращения экономически активного населения, съедая единственный ресурс экономики, который бы мог потенциально устранить причину данных процессов.

Демография Украины 2018

Номинальная VS Реальная

- 2.3 млн.чел. населения Крыма и Севастополя; - 2.6 млн.чел. актуального населения ОРДЛО; - 430 тыс. эмигрантов в РФ

Состав экономической активности населения

1.03:1

Соотношение работающих к неработающим

